товке новой конституции и само признает эту конституцию.

Понимание сущности и динамики юридической и фактической конституций открывает новые возможности для развития конституционного права как методологической основы конституционного правотворчества. Фактическая конституция

должна стать предметом совместных исследований конституционалистов и социологов как источник идей, которые подталкивают развитие, совершенствование юридической конституции, становятся предметом законотворческой деятельности, готовят почву для принятия новой конституции.

Библиографический список

Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд. М., 2015. Т. 1.

Боброва Н. А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3.

Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2007.

Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации)

ШУБЕРТ Татьяна Эдуардовна, ведущий научный сотрудник отдела имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: Shtefania2014@gmail.com

В статье рассматриваются роль доктрины в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, ее влияние на формирование правовых позиций Конституционного Суда, использование принципов права при толковании и формировании правовых позиций Конституционным Судом. По мнению автора статьи, такие проблемы законодательства, как непроработанность законопроектов, приводящая к множественным поправкам к законам, отсутствие системности в законодательстве, многочисленность законов, обусловлены в определенной мере недостаточностью использования правовой доктрины, которая должна занять свое место при разработке нормативных актов. В качестве общесистемной меры решения проблем предлагается принятие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», что позволит преодолеть юридические коллизии между законом и иными нормативными правовыми актами, создаст прочную нормативную базу для процессов правотворчества и правоприменения, будет способствовать предотвращению нарушений законности в деятельности государственных органов, бизнес-структур и иных организаций, укреплению гарантий реализации прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: доктрина, судебная практика, Конституционный Суд Российской Федерации, принципы права, доктринальное толкование правовых норм.

Role of the Doctrine in Legal Drafting and Enforcement (Evidence from the Constitutional Court of the Russian Federation)

T. E. SHUBERT, candidate of legal sciences

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: Shtefania2014@gmail.com

The article discusses the role of the doctrine in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation and its influence on the formation of its legal positions, the use of the principles of law in the interpretation and formation of legal positions of the Constitutional Court. According to the author, such problems of legislation as the lack of draft laws, which leads to the multiple amendments of the legislation, the lack of consistency in the legislation, the multiplicity of laws, determined in some degree by the lack of use of the legal doctrine, which must take its place in the development of regulations. The adoption of the Federal law "On normative legal acts in the Russian Federation" was proposed by the author of the article as a system-wide measures for solving the problems. According to the author it can allow to overcome legal conflicts between the law and other regulations, can create a strong normative framework for processes of lawmaking and law enforcement, can contribute to the prevention of violations of legality by the activities of state bodies, business structures and other organizations, to strengthen the guarantees of realization of rights and legitimate interests of citizens.

Keywords: doctrine, case law, Constitutional Court of the Russian Federation, principles of law, doctrinal interpretation of legal norms.

DOI: 10.12737/24114

Понятие доктрины в праве имеет несколько значений, поэтому представляется необходимым рассмотреть их многообразие.

Например, А. А. Кирилловых обращает внимание на многозначность общенаучного понятия термина «доктрина». В отдельных справочных изданиях доктрина представляется как научная или философская теория, политическая система, руководящий теоретический или политический принцип. В свою очередь, в толковых словарях доктрина определяется как учение, научная концепция либо научное, философское или политическое утверждение, положение¹.

А. А. Васильев рассматривает доктрину в нескольких значениях: а) совокупность знаний, теорий, идей, понятий, суждений о праве, правовых явлениях, нормах права, правоотношениях, системе права, правотворчестве; б) воззрения мыслителей как прошлого, так и современности о праве, например правовые доктрины Платона, Аристотеля, Г. Кельзена, Р. Иеринга; в) правовая идеология — составная часть государственной идеологии.

Общепринятой является следующая формулировка: правовая док-

трина — система идей о праве, признаваемых официально государством или юридической практикой.

Формами выражения правовой доктрины выступают: юридические догмы, принципы права, доктринальное толкование правовых норм, определения юридических понятий и категорий, правила разрешения юридических коллизий, правовые позиции, правовые преюдиции.

Перспективными направлениями развития правовой доктрины и ее внедрения в правовую систему являются: использование доктринальных положений в правотворческом процессе, при осуществлении научной экспертизы нормативных актов и их проектов, в судебных правовых позициях (с обязательными ссылками на доктринальный труд); изложение доктрины в актах доктринального толкования права².

Р. Давид указывал, что доктрина создает «категориальный аппарат, который используется законодателем. Помимо этого доктрина как косвенный источник права дает законодателю представление о государственно-правовых закономерностях, предоставляя ему возможность выбрать оптимальную модель регулирования»³.

¹ См.: Кирилловых А. А. Правовая доктрина и доктринальность в праве: к вопросу об источниках правового регулирования // Законодательство и экономика. 2015. № 8.

² См.: Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 213.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1996. С. 105.

Законодатель использует доктрину при подготовке законопроектов, например, в каждом законе есть понятийный аппарат, который базируется на формулировках и определениях российских ученых. Эти понятия содержатся в монографиях, комментариях законодательства, научных статьях.

В процессе выработки норм права используются некие общие принципы, которые юристы «могут иногда найти в самом законе, но которые они умеют в случае необходимости находить и вне закона. Эти принципы показывают подчинение права велениям справедливости»⁴.

В то же время нет системного подхода в использовании доктрины в законотворчестве. Так, С. Г. Павликов отмечает, что умаление ценности доктрины предопределяет негативные последствия для российской правовой системы. Прежде всего они нередко связаны с бессистемным принятием Государственной Думой Федерального Собрания РФ законов, их многочисленным количеством.

Непоследовательность и в целом недостатки развития законодательства Российской Федерации связаны с тем, что неразработка учений, взглядов, научных позиций обуславливает формирование доктрины, а, напротив, «поточное» законодательство вынуждает создавать так называемые доктрины его применения⁵. Наука отстает от развития законодательства⁶.

Доктрина должна занять должное место при разработке норматив-

ных актов. Широкое понимание права, при котором его источниками являются и доктрина, и закон, и судебный прецедент, подразумевает, что Конституция и законы должны соответствовать надпозитивным нормам и принципам справедливости.

В начале своей деятельности Федеральный конституционный суд ФРГ, исходя из соображений высшей справедливости, а также из того, что право и закон — несомпадающие явления, признал существование надпозитивного права и в связи с этим сверяет нормативные акты не только с Конституцией, но и с надпозитивным правом.

Упоминание о надпозитивных нормах, которые не обязательно сформулированы в тексте закона, присутствует в Гражданском процессуальном кодексе РФ: «В случае отсутствия норм права, регулирующих спорное отношение, суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм разрешает дело, исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права)» (ч. 3 ст. 11). В данном случае общие начала и смысл законодательства и являются той самой надпозитивной нормой, прямо не сформулированной в законе. Законодатель также должен руководствоваться нормами справедливости.

«В течение длительного времени доктрина была основным источником права в романо-германской правовой семье: именно в университетах были главным образом выработаны в период XIII—XIX веков основные принципы права. И лишь относительно недавно с победой идей демократии и кодификации первенство доктрины было заменено первенством закона... Доктрина в наши дни, так же как и в прошлом, составляет очень важный и весьма жизненный источник права. Эта ее роль проявляется в том, что именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель. Важна роль доктрины в установле-

⁴ Давид Р. Указ. соч. С. 145.

⁵ См.: Павликов С. Г. Конституционная доктрина правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.

⁶ См.: Малько А. В. Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: науч.-практ. конф. (3—4 октября 2001 г.) / под ред. А. И. Демидова. Саратов, 2001. С. 14.

нии тех методов, с помощью которых открывают право и толкуют законы. Добавим к этому влияние, которое доктрина может оказывать на самого законодателя; последний часто лишь выражает те тенденции, которые установились в доктрине, и воспринимает подготовленные ею предложения»⁷.

Из анализа и обобщения материалов судебной практики можно сформулировать следующие цели, для которых используется правовая доктрина: 1) установление содержания правовых норм; 2) восполнение пробелов в правовом регулировании; 3) толкование правовых норм.

Правовая доктрина, представляющая собой систему теоретических и научно обоснованных положений, имеет прикладное значение. Для правильного толкования и применения, понимания тех или иных правовых норм, устранения пробелов, поиска наиболее оптимального правового решения используются такие теоретические положения. Научно обоснованные положения, предложенные в доктрине, дающие оптимальные варианты разрешения практических проблем, должны учитываться в процессе правоприменения. К доктрине обращаются, когда возникает неясность в содержании той или иной нормы права и отсутствует применимый судебный прецедент.

В отдельных случаях законодательство РФ прямо предписывает использовать правовую доктрину в правоприменительной деятельности. Так, в силу ст. 1191 ГК РФ при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Аналогичную правовую норму можно обнаружить в ст. 166 СК РФ и ст. 14 АПК РФ. Правовая доктрина в указанном слу-

чае используется наряду с такими источниками, как нормы законодательства и судебная практика.

Поскольку действующее российское законодательство имеет пробелы и коллизии, суды и иные правоприменительные органы на практике нередко сталкиваются с необходимостью их разрешать. Рассматривая спор, суд определяет нормы права, подлежащие применению. Анализируя нормы права, он оценивает их буквальный смысл, смысл, извлекаемый из системного толкования данной нормы, т. е. в ее взаимосвязи с иными законоположениями. Однако иногда даже системное толкование правовых норм не позволяет восполнить имеющийся пробел в правовом регулировании. В этом случае суды прибегают к доктрине, которая может использоваться: для раскрытия содержания имеющейся в законодательстве России нормы; при отсутствии такой нормы.

Применению правовых норм к обстоятельствам конкретного спора предшествует их толкование — установление заложенного смысла. Как было сказано выше, толкование бывает буквальным и системным, выделяют также и историческое, т. е. выявление воли законодателя, принимавшего правовой акт, в который включена соответствующая норма права. Когда приведенными способами невозможно истолковать норму, суды обращаются к ее доктринальному толкованию.

В мотивировочных частях судебных актов нередко можно встретить ссылки на правовую доктрину, суждения правоведов используются судами для подтверждения собственной позиции, ее подкрепления различными источниками. Как правило, суды делают ссылку в своих решениях на доктринальные источники для усиления эффекта обосновываемой правовой позиции. Это свидетельствует о взвешенном решении, принимаемом по делу, на основе истолковываемой нормы права, ее соответствии как буквальному смыслу,

⁷ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 142—143.

заложенному в законе, так и доктринальному толкованию⁸.

Однако доктрина в современной России представляет собой нетрадиционный и практически малоиспользуемый источник права, в отличие, к примеру, от актов судебной власти. Российское право все увереннее эволюционирует как прецедентное право, в правовом регулировании общественных отношений более активно начинают участвовать решения судов. Так, роль актов Конституционного Суда РФ в правовом регулировании можно назвать доминирующей.

Задачи Конституционного Суда были бы облегчены, если бы он мог опираться на общепризнанную в теории и практике правовую доктрину, выражающую своего рода “*communis opinio doctorum*” по вопросу о понятии права. Однако, к сожалению, в российской теории права в настоящее время нет такого доктринального единства в подходе к правоприменению, которое позволило бы говорить о наличии «общего мнения докторов», способного служить теоретическим ориентиром для практики. И тем более нет такого единства в сфере самой правовой практики. При этом разногласия по поводу фундаментальных основ правопонимания зачастую являются источником расхождений и в трактовке ряда более частных правовых проблем.

Как справедливо отмечала Т. Н. Нешатаева, «теоретические исследования являются источником знания при восполнении в порядке аналогии закона или аналогии права многочисленных пробелов законодательства»⁹.

Некоторые авторы считают доктрину малоиспользуемым источни-

ком права¹⁰ и указывают на отсутствие традиции ее использования в российском праве¹¹. Однако с этими мнениями можно согласиться лишь частично. Конституционный Суд РФ активно использует доктрину в качестве источника права в своих решениях. Например, рассматривая стадии построения уголовного судопроизводства и порядок возвращения уголовного дела прокурору, а затем от прокурора — следователю, Суд указал, что в отечественной правовой доктрине этот вопрос рассматривается как возвращение дела со стадии судебного производства к стадии досудебного производства (в частности, в особом мнении судьи КС РФ С. М. Казанцева относительно постановления КС РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П содержится ссылка на такие труды, как: Тришева А. А. Возвращение уголовного дела прокурору: судьба института // Законность. 2015. № 4; Аристархов А. Проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения путем предъявления более тяжкого обвинения // Уголовное право. 2014. № 1. С. 93—98; Александров А., Лапатников М. Восстановление института возвращения судом уголовного дела прокурору на доследование // Уголовное право. 2013. № 6. С. 87; и др.)

В постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционный Суд РФ, рассматривая вопросы, связанные с европейской системой защиты прав человека и ролью ЕСПЧ в качестве ее контрольного механизма, отметил, что к наиболее заметным результатам можно отнести включение в преамбулу Конвенции о защите прав человека и основных свобод упоминания о «принципе субсидиарности» (*principle of subsidiarity*) и «доктрине свободы усмотрения» (*margin of appreciation*).

⁸ См.: Бычков А. Правовая доктрина в судебной практике // ЭЖ-Юрист. 2013. № 39.

⁹ Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права — судебном прецеденте и доктрине // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 5. С. 110.

¹⁰ См.: Павликов С. Г. Указ. соч.

¹¹ См.: Зозуля А. А. Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 208.

Конституционный Суд РФ часто обращается к доктрине для выработки своих правовых позиций: «В сложившейся правовой доктрине и сформированной на ее основе юридической практике, в том числе отраженной в отдельных правовых актах... под нормативным правовым актом понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, а под правовой нормой — общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение»¹².

Легальное определение понятия нормативного правового акта в российском законодательстве отсутствует. Однако, как указано в п. 4¹ постановления КС РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П, в юридической практике и правовой доктрине сложились подходы к определению нормативного правового акта, основанные, в частности, на постановлении Государственной Думы от 11 ноября 1996 г. № 781-П ГД, решениях Конституционного Суда РФ и других документах.

В мнении судьи КС РФ Г. А. Гаджиева по постановлению КС РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П даны ссылки на Концепцию развития гражданского законодательства. Установлено, что суды не вправе ни признавать новые вещные права, ни определять их содержание, поскольку их перечень и содержание определены в законе исчерпывающим образом. Содержится ссылка на труды Е. А. Суханова (Гражданское право. Т. II. М., 2005. С. 6).

В особом мнении судьи КС РФ Г. А. Гаджиева по постановлению КС РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П дана ссылка на работу А. Бланкенаге-

ля «Экономическая сущность налога и ее правовое значение. Конституционное понимание и функции экономически обоснованных налогов — с точки зрения специалиста из Германии» (Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008 года. М., 2010).

Конституционный Суд РФ часто использует в своих постановлениях ссылки на решения ЕСПЧ. Как отмечает Н. С. Бондарь, «Конституционный Суд чаще всего обращается к практике ЕСПЧ с целью подкрепления своей позиции в процессе уяснения, в частности: нормативного содержания того или иного правового института, его универсальных параметров; нормативного содержания конституционных прав; порядка разрешения коллизий, конституционных принципов и т. д.»¹³.

Конституционный Суд РФ использовал и решения ЕСПЧ, в которых Россия не выступала в качестве ответчика: «Гитонас против Греции», «Матье Моэн против Бельгии», «Бауман против Соединенного Королевства».

В своих решениях Конституционный Суд, рассматривая принцип обеспечения беспристрастности суда, сверяется с доктриной, выработанной ЕСПЧ: «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу обеспечения принципа беспристрастности суда в полной мере согласуются с доктриной, выработанной Европейским судом по правам человека: выделяя субъективные и объективные аспекты беспристрастности суда и исходя из необходимости дифференцированного подхода к определению допустимости повторного участия судьи в рассмотрении дела, Европейский суд по правам человека к числу обстоятельств, достаточных для объективно обоснован-

¹² Постановление КС РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П.

¹³ Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция ЕСПЧ в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 114.

ного сомнения в беспристрастности судьи, относит рассмотрение судьей вопросов, относительно которых им ранее уже выносились соответствующие решения, так как судья не должен подвергать критике принятые им же решения либо осуществлять их пересмотр (постановления от 1 октября 1982 г. по делу “Пьерсак (Piersack) против Бельгии”, от 24 февраля 1993 г. по делу “Фей (Feu) против Австрии”, от 10 июня 1996 г. по делу “Томанн (Thomann) против Швейцарии”, от 29 июля 2004 г. по делу “Сан Леонард Бэнд Клуб (San Leonard Band Club) против Мальты” и др.)¹⁴.

В особом мнении судьи КС РФ А. Л. Кононова по постановлению КС РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П при рассмотрении сроков давности содержатся ссылки на доктрину наряду с законодательством: «Конституционный Суд почему-то решил, что истечение срока давности привлечения лица к ответственности за совершение налоговых правонарушений прекращается или исчерпывается с момента оформления акта налоговой проверки».

Рассматривая положения ст. 49 Конституции РФ о принципе виновной ответственности, презумпции невиновности и бремени доказывания, которое возлагается на органы государства и их должностных лиц, Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 апреля 2001 г. № 7-П пришел к выводу, что они выражают общие принципы права при применении государственного принуждения карательного (штрафного) характера в сфере публичной ответственности как в уголовном, так и в равной мере в административном праве, что общепризнано в отечественной правовой доктрине.

Конституционный Суд РФ на базе своих правовых позиций нередко формирует собственные доктри-

нальные подходы к решению теоретических проблем¹⁵.

Таким образом, от мнения ученых, создающих правовую доктрину, от качества научных разработок зависят в какой-то степени и качество правовых позиций Конституционного Суда РФ, и качество принимаемых законов.

Наличие в российском законодательстве коллизий и пробелов требует от судебных органов не только анализа норм права и установления смысла, который определяется методом системного толкования. Здесь, как правило, используется доктрина, особенно когда системное толкование правовых норм не позволяет восполнить имеющийся пробел в правовом регулировании. При этом правовая доктрина может использоваться для раскрытия содержания имеющейся в законодательстве РФ нормы, смысл которой не очевиден.

Как отмечается в научной литературе, активизацию воздействия доктринального фактора на позитивное право в интересах совершенствования процесса правового регулирования целесообразно осуществлять в таких направлениях, как: независимая научная экспертиза законотворческой деятельности; включение важнейших концептуальных положений в основные нормативные правовые акты; непосредственная разработка учеными-юристами проектов нормативных правовых актов; использование общепризнанных научных положений для обоснования принятия судебных решений¹⁶.

При подготовке законопроектов использование доктрины позволяет видеть не только статику правовых норм, но и динамику развития регулируемых ими общественных отно-

¹⁵ См.: Зорькин В. Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика: материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы». URL: <http://www.ksrf.ru>.

¹⁶ См.: Зозуля А. А. Указ. соч. С. 210.

¹⁴ Определение КС РФ от 18 октября 2012 г. № 1898-О.

шений. Доктрина как констатирует правовые явления, так и является своеобразным прогнозом предвидения ситуаций, которые могут складываться в сфере правового регулирования. Огромный массив вырабатываемых юридической доктриной дефиниций и принципов становится положениями в законодательных актах¹⁷.

Представляется, что во многом проблемы законодательства — непроработанность законопроектов, приводящая к множественным поправкам к законам; отсутствие системности в законодательстве; многочисленность законов — обусловлены в определенной мере недостаточностью использования правовой доктрины. В связи с этим можно предложить внести следующее дополнение в подп. «а» п. 1 ст. 105 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ: при внесении законопроекта в Государственную Думу субъектом (субъектами) права законодательной инициативы должны быть представлены: пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта с учетом системного анализа правовой доктрины в этой сфере, а также мотивированное обоснование

необходимости принятия или одобрения законопроекта.

Доктрина должна занять свое место при разработке нормативных актов. Использование правовой доктрины поможет улучшить качество рассматриваемых законопроектов.

Отсутствие единого подхода к проблемам совершенствования правового регулирования, общей концепции и стратегии развития законодательства, четкого представления об этапах и основных направлениях государственной стратегии развития законодательства приводит к бессистемному обновлению норм в различных отраслях законодательства, неравномерности развития его отдельных институтов (некоторые институты законодательства развиваются активнее, чем другие), к дублированию.

Для решения этих проблем в качестве общесистемной меры необходимо принятие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», что позволит преодолеть юридические коллизии между законом и иными нормативными правовыми актами, создаст прочную нормативную базу для процессов правотворчества и правоприменения, будет способствовать предотвращению нарушений законности в деятельности государственных органов, бизнес-структур и иных организаций, укреплению гарантий реализации прав и законных интересов граждан.

Библиографический список

- Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция ЕСПЧ в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6.
- Бычков А. Правовая доктрина в судебной практике // ЭЖ-Юрист. 2013. № 39.
- Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.
- Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1996.
- Зозуля А. А. Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
- Зорькин В. Д. Право и правоприменение в Российской Федерации: доктрина и практика: материалы к докладу на международной конференции «Право и правоприменение в России: междисциплинарные подходы». URL: [http:// www.ksrf.ru](http://www.ksrf.ru).
- Кирилловых А. А. Правовая доктрина и доктринальность в праве: к вопросу об источниках правового регулирования // Законодательство и экономика. 2015. № 8.
- Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012.

¹⁷ См.: Пузиков Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003. С. 106, 117.

Малько А. В. Юридическая доктрина как важнейшее направление современной российской правовой политики. Российская юридическая доктрина в XXI веке: проблемы и пути их решения: науч.-практ. конф. (3—4 октября 2001 г.) / под ред. А. И. Демидова. Саратов, 2001.

Нешатаева Т. Н. К вопросу об источниках права — судебном прецеденте и доктрине // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 5.

Павликов С. Г. Конституционная доктрина правового государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7.

Пузилов Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003.

Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации»)

РУДНЕВ Дмитрий Владимирович, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: rudnevd@mail.ru

САДОВА Татьяна Семеновна, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: tatsad_90@mail.ru

В статье анализируется проблема соотношения понятий «русский язык как государственный язык» и «современный русский литературный язык» в связи с реализацией Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации». Отсутствие дефиниции «русский язык как государственный язык» в тексте Закона ставит вопрос о том, могут ли в полной мере использоваться нормы современного русского литературного языка в рамках государственной коммуникации. Анализируя сферы употребления русского языка как государственного языка Российской Федерации и русского литературного языка, авторы приходят к выводу о том, что эти сферы совпадают лишь частично. Вследствие этого лингвистические характеристики, а потому и нормы русского языка как государственного языка Российской Федерации и русского литературного языка не могут полностью совпадать. Неоднородность норм русского литературного языка также затрудняет их применение в рамках русского языка как государственного языка Российской Федерации. Сделанные наблюдения, а также рекомендации могут быть использованы при построении правовой дефиниции «русский язык как государственный язык».

Ключевые слова: русский язык как государственный язык, русский литературный язык, норма, государственная коммуникация, правовая коммуникация.

Russian Language as the State Language of the Russian Federation and Contemporary Russian Literary Language (in the Framework of Implementation of the Federal Law “On State Language of the Russian Federation”)

D. V. RUDNEV, candidate of philological sciences
St. Petersburg State University
11, Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russia, 199034
E-mail: rudnevd@mail.ru